

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК, ИЛИ КАК РОЖДАЕТСЯ ФИЛОСОФИЯ (СЛОВО О ПЛАТОНЕ)

Аббасов Ш. М.,

**Научный руководитель д-р филос. наук, профессор Омельченко Н. В.
Сибирский федеральный университет**

Когда на земле появился первый человек? Библия утверждает, что 6000 лет назад он был создан Богом. Современная наука отвечает на этот вопрос немного иначе: примерно 3 млн. лет назад он появился путем эволюционных изменений. Нетрудно понять, что различие этих двух точек зрения носит лишь количественный характер, а качественно они тождественны именно в том, что и религия, и наука отсылают нас к некоему моменту чуда, заключающегося в том, что человек либо создан великим Творцом по образу и подобию Своему, либо каким-то невероятным путем эволюция за миллиарды лет наконец доходит до появления человека, что в сущности является чудом не меньшим. Так как же мы можем узнать, когда и каким образом появился человек? Ведь как справедливо подметил Иммануил Кант бесконечный регресс в познании невозможен. Это в сущности означает: чтобы знать начало, нужно уже знать и конец, то есть должен быть уже известен зрелый результат. Но все же выход существует, нужно взять за основу наиболее ранний из известных существенных этапов. А именно с того времени, когда рождается философия. И начинается философия конечно же с Платона, поскольку восточная философия еще не знала субъекта. Восточная мудрость говорит от лица космоса, природы, но не субъекта, даже греческая досократическая философия еще в полной мере не перешла к субъекту, поскольку ее предметом является космос, природа, она носит субъект-объектный характер. Человек становится предметом философии начиная с Сократа, где в силу вступают субъект-субъектные отношения, но сам Сократ говорит через Платона, и, только начиная с Платона, мы видим, если можно так выразиться, субъект-субъектно-субъективное отношение.

Итак, чтобы разобраться в том, когда и каким образом совершается этот качественный скачок к человеку разумному, существу обладающему самосознанием, нам придется обратиться к гению Платона.

Сократ называл свой философский метод майевтикой, в шутку ли или всерьез считая, что это помогает родиться душе, но Сократ едва ли знал, что его ученик породит всю европейскую цивилизацию. Без понимания личности Платона и его философии идеализм становится бессмысленным, собственно вся философия в таком случае становится бессмысленной.

Едва ли за всю историю найдется человек, жизнь которого была бы настолько парадоксальной, как жизнь Платона; едва ли в истории найдется человек, перед которым жизнь уготовила столь большое множество славных путей. Платон родился в зажиточной семье, уже в юности ему пророчили блестящую политическую карьеру, он был олимпийским чемпионом по борьбе, писал стихи, обладал феноменальной памятью, превосходно знал практически все науки своего времени и владел искусством красноречия. И что же интересно выбрал этот молодой человек с безграничными возможностями? Ничего не выбрал. Платон остановился, замер, словно застыл на многие годы; с того самого момента, когда впервые услышал речь Сократа, Платон словно переродился. Символом этого перерождения можно считать, то что он сжег свои стихи. Но встает вопрос: может ли человек так революционно изменить свою жизнь, да и зачем ему это нужно, особенно в случае с Платоном?

У Отто Вейнингера есть предположение о том, что только люди с чистой совестью, которые не сожалеют о том, что было в прошлом, могут начать новую жизнь. Но при этом Вейнингер также выяснил, что практически все преступники возвращаются к своему прежнему образу жизни, даже если очень желают с ней покончить. Преступник словно не

может отпустить свое прошлое. Если применить тезисы Вейнингера по отношению к Платону, то мы можем сделать вывод о том, что в сущности Платон – это полная противоположность преступника, именно поэтому он так легко расстался с прежним собой, видимо, предчувствуя «наилучшую славу».

Платон был настолько гениальным учеником Сократа, что превзошел этого титана мысли еще при его жизни. Как же он это сделал? Ученики Сократа, или, как он их называл, собеседники, слушались его практически во всем, но было одно требование, которое не все ученики могли выполнить, это требование – не записывать за ним его речи. С одной стороны, хорошие ученики должны слушаться своего учителя, с другой стороны, они понимали, что все, что говорит Сократ, крайне важно и следует записать каждое его слово; таким образом, часть учеников записывала за ним, а другая часть просто слушала, и каждый из них был по-своему прав, и каждый по-своему ошибался. Но был среди учеников один, который сумел выполнить требование Сократа, при этом записывая все, то есть он записывал и не записывал одновременно, он все запомнил, и, конечно, этим учеником был Платон. В итоге он разрешил неразрешимое противоречие благодаря тому, что обладал просто фантастической памятью; подобной феноменальной памятью обладали Иммануил Кант, Джордано Бруно, Никола Тесла, и каждый из них был в состоянии воспроизвести свою жизнь хронологически, поминутно. Например, у людей, которые общались с Джордано Бруно, создавалось впечатление, что нет на свете ничего того, о чем бы ему не было известно, неслучайно Бруно разработал и обучал методике запоминания. Именно безграничные знания Бруно больше всего пугали тех, кто выносил ему обвинительный приговор, ведь они не знали, что еще придет в голову этому Гению, который впоследствии сделал себя бессмертным. Платон также, как Бруно, является пределом возможности человека к запоминанию. Платон запомнил каждое сказанное Сократом слово и все, что говорили другие о Сократе, в этом смысле Платон знал Сократа лучше, чем сам Сократ знал самого себя. И, конечно же, все сомнения по поводу достоверности того, о чем пишет Платон, в таком случае отпадают автоматически, скепсис в данном вопросе абсолютно не уместен.

Платон является также одним из величайших моралистов в истории, но уникальность Платона как моралиста в том, что он, в отличие от других философов, говорит не от себя. Он говорит, разумеется, от лица Сократа, но в вопросах нравственности вышеупомянутый факт имеет огромное значение, ведь вопросы нравственности всегда глубоко касаются внутреннего мира человека, в этом смысле философ в каком-то смысле всегда говорит о себе. Даже Кант со своим категорическим императивом, который должен иметь всеобщий характер, в сущности говорит именно о себе. С Платоном дело обстоит иначе, его философия говорит от лица Сократа, благодаря чему мы можем говорить об интерсубъективности, как раз поэтому моралистическое учение Платона имеет всеобщий характер. Платон преодолел чисто внешний характер моральных требований и перешел к подлинной нравственности, задача которой заключается в освобождении человека, в том числе в освобождении души от тела, в этом смысле Платон был подлинно свободным человеком. Платон признает не только свободу мужчины, но и свободу женщины, несмотря на то, что Платона одновременно можно назвать мизогинном, что в принципе не удивительно для античной культуры, ведь «Государстве» Платона женщина является общей собственностью. Но парадокс Платона заключается в том, что он был одновременно одним из первых, кто признал женщину равной мужчине; он считал, что женщины могут заниматься философией и наравне с мужчинами защищать государство. И это не просто слова. Удивительно прежде всего то, что самая известная женщина-философ Диотима есть творение Платона, независимо от того, существовала ли она в реальности или была лишь выдумкой Платона. Это исторический артефакт, и никогда ни до, ни после Платона возможности женщины не ставились так высоко, как в диалоге «Пир», где женщина устами любимого учителя полемизирует с философами. Платон признал в женщине философа и тем самым в полной

мере признал свободу женщины; примерно тоже самое делает Иисус Христос, когда грешница, поняв, что Христос есть Господь, омыла его ноги и отерла их своими волосами. И тогда сказал ей Христос: «Прощаются тебе грехи. Вера твоя спасла тебя, иди с миром».

Платон знал, что такое свобода, и, как никто другой, он был свободен сам и признавал свободу за другими, поскольку постиг ее противоположность. Ведь если Сократа только сравнивали с рабом и называли бродягой, то Платон и в этом умудрился превзойти своего учителя, поскольку попал в рабство, пытаясь осуществить проект идеального государственного строя, при правлении тирана Дионисия Младшего. Только при помощи его друзей Архита и Тарента он смог вернуться домой.

Таким образом, мы показали, что философия Платона – это философия человека о человеке и через человека, ибо так нам является истина, – это настоящая Антропология. Платон – первый субъект, на примере которого можно изучать, выражаясь словами Гегеля, парадоксальность Я в царстве духа. Платон не только истинный антрополог, но одновременно и объект ее изучения, а точнее, субъект, поскольку в «философии о человеке» объект совершает скачок до субъекта.

Но есть еще одна крайне важная вещь, которая отличает Платона от всех людей, живших до него, и то, что так сильно объединяет или по крайней мере должно объединять нас с ним, – это истина, которую открыл Платон о человеке, это краеугольный камень идеализма, да и собственно всей философии. Это самая страшная идея, когда-либо приходившая человеку в голову, и это парадокс, который превращает светлую философию Платона одновременно в самое мрачное учение на свете. И никакой мистики тут нет, а только одна божественная логика. Вообще это то, что касается всякого смертного: всех нас смертных. Что же это? Платон был первым, кто понял, что ад и рай есть мышление, это либо наша тюрьма, либо пространство нашей свободы. Он понял, что человек существует вечно, его душа бессмертна, она требует заботы не только на нынешнее время, которое мы называем своей жизнью, но на все времена, и если кто не заботится о своей душе, впредь мы будем считать это грозной опасностью. Если бы смерть была концом всему, она была бы счастливой находкой для дурных людей: скончавшись, они разом избавлялись бы и от тела, и – вместе с душой – от собственной порочности. Но раз душа бессмертна, для нее нет, видно, иного прибежища и спасения от бедствий, кроме единственного: стать как можно лучше и как можно разумнее. Ведь душа не уносит с собой в Аид ничего, кроме воспитания и образа жизни, и они-то, говорят, доставляют умершему неопределимую пользу, либо чинят непоправимый вред.

Таким образом, мышление может бездну времени пребывать в состоянии заточения, и тюрьма – это не только наше тело, ведь тело есть всего лишь внешнее выражение состояния нашего мышления и оно есть дом, которого мы заслуживаем, либо тюрьма, из которой человек сам себя выпускает, если только сможет перейти на новый уровень, то есть очиститься. И это касается всякого бессмертного, всех нас бессмертных. Жизнь есть то, что само себя снимает, тем самым достигая бессмертия и его осознания. Эта идея в логической форме сформулирована Эвальдом Ильенковым в «Космологии духа»: «Смерть мыслящего духа становится тем самым его бессмертием». Это и есть мир идей, его и увидел Платон через жизнь и смерть Сократа. Смерть Сократа стала символом перерождения Платона: это скачок в сознании, в определенном смысле вместе с Сократом умирает и прежний Платон, он перерождается через смерть и Сократ увидел мир идей в той мере, в какой ее представил Платон, а не наоборот. В этом смысле Сократ – ученик Платона также, как и Аристотель, который напишет позднее библию науки.

Из всех людей, когда-либо живших на земле, Платон ближе всего к Христу. Ведь «Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками». «К Римлянам послание св. Ап. Павла» 5:8. Он пережил все грехи в своем мышлении, примерно, так, как и говорил Платон. Если Сократ умер и воскрес в мышлении Платона, то Иисус Христос сделал это один. Но это уже не наука, не философия и даже не религия, здесь мы уже не можем высчитывать, рассуждать,

представлять, остается только *верить*. Я могу лишь только сказать, что Платон – первый, первый после Бога.